

**ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БАЛЛАДЫ А.К. ТОЛСТОГО
 («ВАСИЛИЙ ШИБАНОВ», «КНЯЗЬ МИХАЙЛО РЕПНИН»,
 «СТАРИЦКИЙ ВОЕВОДА»)**

З.Н.Сазонова

(кандидат филологических наук, доцент, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых)

У статті розглядається жанр балади, що має особливе значення у творчості О.К.Толстого. Будучи включеними в загальне епічне ціле, балади стають певною схемою ситуацій і персонажів роману «Князь Срібний» і трагедії «Смерть Іоанна Грозного». Конкретні образи і положення роману та трагедії перетворюються в баладах у символи, котрі характеризують епоху Іоанна.

The genre of ballade (being itself synthetic) takes on special significance in the works of A.K. Tolstoy. Being a part of the whole epic composition, ballads appeared to be a certain scheme of situations and characters of the novel «Prince of Silver» and the tragedy «The death of Ioann the Terrible». Specific images and situations of the novel and the tragedy is transforming to symbols in the ballads, and this abstraction designates the epoch of Ioann the Terrible.

Баллады А.К. Толстого, пожалуй, единственные произведения, в жанре которых усомниться нельзя. Форма и содержание баллад А.К. Толстого максимально соответствуют канону литературной баллады. Однако самый канон предполагает некое промежуточное положение между родами литературы: *Глубоко укоренена в словесном искусстве лиро-эпика* (выделение — В.Е. Хализев), *включающая в себя лиро-эпические поэмы <...>, баллады (имеющие фольклорные корни)...* (1, 316)

Баллады Толстого об эпохе Иоанна Грозного, основанные на «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина («Василий Шибанов» и «Старицкий воевода») и «Истории Иоанна Грозного» А.М. Курбского («Князь Михайло Репнин»), были написаны в 40-е годы — «Василий Шибанов» и «Князь Михайло Репнин», и в 1858 г. — «Старицкий воевода». Одновременно это и время работы над романом «Князь Серебряный». И мы можем проследить некие содержательные связи между балладами и романом, а также и связь с трагедией «Смерть Иоанна Грозного».

Если сопоставить образы героев в балладах и в романе и трагедии, то обнаруживается, что сходство между ними, на первый взгляд, достаточно формально. Самый жанр баллады не предполагает детальной разработки характеров, тем более что для него более важна ситуация, нежели личности. Однако баллады Толстого об эпохе Грозного, включенные в общее эпическое целое, составляемое ими, романом и трагедией, могут быть проанализированы именно через героев: Грозного, Репнина, Шибанова, Курбского, Федорова-Челяднина (Старицкий воевода). Обрисовка образов с помощью набора неких ярких черт приводит к схематичной **абстрактности** героев. Именно эта абстрактность позволяет создать некие обобщенные, почти аллегорические образы, в некотором роде «подытоживающие» (вне зависимости от времени написания) характеристики персонажей, значимых для описываемой Толстым эпохи.

Степень абстрактности, впрочем, для героев баллад различается. В наименьшей степени абстрактен Иоанн Грозный — в той мере, в какой это вообще возможно для героя подобного масштаба, тем более что баллады предполагают определенное мнение, сложившееся у читателя относительно этой исторической личности. Андрей Курбский также достаточно конкретная фигура, учитывая исторический контекст. Шибанов и князь Михайло Репнин, несмотря на свою историчность, — фигуры, абстрактные в большей степени, нежели Иоанн и Курбский: они существуют, в первую очередь, не как самодостаточные персонажи, а как

опозиція Грозному. И, наконец, Старицкий воевода — в наивысшей степени абстрактный образ. Он становится олицетворением мятежного (по мнению Иоанна) боярства.

Однако и абстрактные герои создают в балладах определенные оппозиции: Грозный-Репнин, Грозный-Шибанов, Грозный-Шибанов-Курбский. Эти оппозиции вполне соотносимы с идеологическим треугольником романа и трагедии — Грозный-Серебряный-Годунов, Грозный-Захарьин-Годунов. Наиболее разработан в балладах, безусловно, характер Грозного. Иоанн многолик, как в романе, так и в трагедии автор демонстрирует самые разные грани его характера, проистекающие, впрочем, из того же источника, что и в других произведениях об этой исторической эпохе, — из непомерного эгоцентрического властолюбия.

Мы видим Грозного в пяти ситуациях, три из них приходится на балладу «Князь Михайло Репнин». В балладе «Василий Шибанов» Иоанн получает письмо от Курбского. Он только что «в смиренной одежде» звонил с опричниками в колокола, то есть пребывал в очередном приступе раскаяния. Но приходит письмо — и Грозный оживляется (это оживление заставляет вспомнить аналогичный эпизод трагедии). Перепад настроения мог бы показаться немотивированным, если бы читатель не имел определенного представления о Грозном. Но мотивация становится гораздо более явной, если мы воспринимаем балладу в контексте *всех* произведений Толстого о Грозном. Отметим, например, смысловое сходство двух эпизодов — из баллады и из романа:

*Стоял неподвижно опричников ряд;
Был мрачен владыки загадочный взгляд,
Как будто исполнен печали;
И все в ожиданье молчали (2, I, 230).*

— *Боярин подлинно стар!* — сказал он хладнокровно, и умеренность его в виду явного непокорства исполнила всех ожиданием. Все чувствовали, что готовится что-то необыкновенное, но нельзя было угадать, как проявится царский гнев, коего приближение выказывала лишь легкая судорога на лице, напоминающая дрожание отдаленной зарницы. Все груди были стеснены, как перед наступающей бурей (2, III, 393).

Фиксируется поведение Грозного при сходных обстоятельствах, его реакция, и, при сопоставлении, описание поведения царя в балладе приобретает новые конкретные оттенки.

Грозный баллады «Князь Михайло Репнин» более абстрактен, его образ несколько фольклоризирован. Сама **ситуация** для автора важна более, нежели жизненность характеров. Толстой, пользуясь эпизодом из «Истории» Карамзина, рисует момент эпохи опричнины. Царь пирует, слушает гуслиаров, поющих о *делах былых времен* (2, I, 232), однако ему скучно, и он приказывает устроить маскарад. Михайло Репнин отказывается и порицает Иоанна:

*О царь! Забыл ты бога, свой сан ты, царь, забыл!
Опричниной на горе престол свой окружил!
Рассыпь державным словом детей бесовских рать!
Тебе ли, властелину, здесь в машкаре плясать! (2, I, 233)*

Реакция Грозного вполне традиционна:

*Но царь, нахмура брови: «В уме ты, знать, ослаб
Или хмелен не в меру? Молчи, строптивый раб!» (2, I, 232)*

Репнин отказывается вторично, произносит речь против опричнины и **во славу царя** — и Грозный, разъярясь, пронзает его своим жезлом.

Убив Репнина, Иоанн впадает в печаль:

*«Убил, убил напрасно я верного слугу,
Вкушать веселье ныне я боле не могу!» (2, I, 233)*

Это обычное самоуничижение, свойственное Грозному. На протяжении баллады «Князь Михайло Репнин» царь успевает побыть в веселии, унынии, гневе — и снова впасть в уныние. Однако такие резкие переходы не только диктуются жанром, они характерны и для Иоанна других исторических произведений Толстого, просто в балладах они наиболее очевидно выражены.

Баллада «Старицкий воевода», на первый взгляд, наименее соответствует жанру: она крайне лаконична, рассчитана на знание более широкое, нежели можно извлечь из нее, ибо действия героев в балладе никак не мотивированы. Автор использует реальной исторический эпизод: *Источником стихотворения является рассказ Карамзина о гибели конюшего и начальника казенного приказа И.П. Челяднина-Федорова (3, 752)*. Толстой предельно кратко описывает ситуацию, которая приводит к убийству Старицкого воеводы, однако центром баллады, ее кульминацией и развязкой, является именно само убийство, причем главный герой баллады, несмотря на название, — Грозный. Темой баллады являются его взаимоотношения с боярством. Царю почти не нужен повод, чтобы казнить кого бы то ни было, достаточно обвинения в измене, придуманного им самим. Эта тема развивается во всех исторических произведениях Толстого, хотя нигде и не является центральной, поскольку для Грозного подобные обвинения и следующие за ними казни — обыденность. Интересно, однако, автор описывает реакцию Иоанна на мертвое тело воеводы:

*И, лик свой наклоня над сверженным врагом,
Он наступил на труп узорным сапогом
И в очи мертвые глядел, и с дрожью зыбкой
Державные уста змеилися улыбкой (2, II, 249).*

Сравнивая «Старицкого воеводу» с балладой «Князь Михайло Репнин», мы видим два варианта поведения Грозного в почти аналогичных обстоятельствах. Почти — потому что воевода обвинен в измене, в намерении присвоить себе царский сан, а Репнин просто отказался исполнить прихоть Иоанна. Но это тоже в некотором роде покушение на власть, и наказание последовало незамедлительно. Разница в том, что о смерти Репнина Грозный сожалеет, а убийство Старицкого воеводы доставляет ему наслаждение. Такой Иоанн, радующийся смерти «врага», упивающийся ею, сопоставим с Иоанном романа «Князь Серебряный»: *Он чувствовал после совершенных убийств какое-то удовлетворение и спокойствие, как голодный, насытившийся пищей (2, III, 406)*. Казнь безусловного врага — норма для Грозного, но так же безусловно становится ясно из произведений Толстого, что настоящих врагов, кроме Курбского, у Иоанна на протяжении времени, описанного автором, — нет. И, рисуя царя, с улыбкой наступающего сапогом на тело убитого им Челяднина-Федорова, Толстой фиксирует образ державного убийцы, деспота, до самозабвения любящего свою власть. Конкретный образ, не раз возникающий в трагедии и романе, поднимается до абстракции, всеобъемлющего обобщения.

Значимо то, что Толстой выбирает для своих баллад те исторические моменты, которые связаны с Грозным, уже превратившимся в тирана и палача, — то есть каждая из баллад соотносима по времени с событиями трагедии и романа. Однако и в них, как в трагедии и романе, существуют отсылки к временам, когда Иоанн был в силе и славе. Такими отсылками являются письмо Курбского к царю («Василий Шибанов») и строки, рефреном звучащие в балладе «Князь Михайло Репнин»:

*С вечерни льются вины на царские ковры,
Поют ему с полночи лихие гусяры,
Поют потехи брани, дела былых времен,
И взятие Казани, и Астрахани плен (2, II, 232).*

Правда, Курбский делает ударение не на славе самого Грозного, но на достоинствах тех, кто верно служил ему:

*Ответствуй, не ими ль, средь тяжелой войны,
Без счета твердыни врагов сражены?
Не их ли ты мужеством славен?
И кто им бысть верностью равен? (2, II, 229)*

Через сопоставление разных периодов царствования создается противопоставление двух Иоаннов, оно расширяет пространство баллад, дает еще одну возможность соотнесения их с другими произведениями Толстого об эпохе Грозного и усиливает их эпическое звучание.

Обратимся теперь к персонажам, составляющим идеологическую оппозицию Иоанна и позволяющим вспомнить о смысловом треугольнике романа и трагедии, — Василию

Шибанову и Михайле Репнину. Курбский также составляют оппозицию Грозному, но — другого рода.

Шибанов, стремянный Курбского (вспоминается Савельич из «Князя Серебряного»), на протяжении всей баллады демонстрирует безграничную преданность своему господину: он отдает ему своего коня, доходит пешком до литовского лагеря — и Курбский тут же отправляет его со своим письмом к Грозному. И Шибанов, ничуть не сомневаясь в печальном для себя исходе посольства, соглашается. Дважды в первой части баллады Толстой упомянет о «рабстве» Шибанова: *рабскую верность храня, в радости князь посылает раба*, однако отнюдь не в укор герою — автор подчеркивает его верность господину, независимо от того, стоит господин этой верности или нет. Такой Шибанов вполне сопоставим с князем Серебряным. Для стремянного литовцы — *вражий стан*, а возможные преследователи Курбского — *наши*, но он все равно предан своему хозяину.

Князь, осознающий его преданность, отправляет Шибанова на смерть и предлагает «рубли в награжденье». Грозный не обманывает ожиданий и приказывает пытать стремянного, чтобы выяснить имена *друзей вора*, то бишь Курбского. Но Иоанн четко определит сущность Шибанова:

Гонец, ты не раб, а товарищ и друг... (2, II, 230)

Парадокс — именно Грозный, хладнокровно, без тени сомнения, отправляющий Шибанова в застенки, отдает ему этими словами должное, видит в нем человека — в отличие от Курбского.

Шибанов, умирающий под пытками, никого не выдает — и молится о прощении для Курбского за измену, и — за Грозного и Русь. Для него, оказывается, есть более высокий господин, нежели князь, — Русь, измена которой — страшный грех. Высвечивается расстановка сил: деспот — предатель — и тот, кто верен обоим, несмотря ни на что. В этом он близок к Серебряному, идущему в тюрьму и отказывающемуся бежать из нее, поскольку дал Иоанну слово. Любопытно: в послесловии к одному из изданий романа «Князь Серебряный» В. Муравьев употребит по отношению к Морозову и Серебряному словосочетание *рабская психология* (4, 351–352) — именно в отношении эпизода, когда Серебряный отказывается бежать из тюрьмы. Но для Толстого верность слову, преданность превыше здравого смысла. И Шибанов становится символом некоей добродетели — самозабвенной верности долгу и чести, так же, как Иоанн — символ деспотизма и произвола.

Князь Михайло Репнин в одноименной балладе отказывается «в машкере плясать», порицает опричнину — и гибнет от руки Грозного. Этот эпизод находится в прямой связи с романом «Князь Серебряный». Боярин Морозов рассказывает Серебряному, только что вернувшемуся из Литвы, новости:

«В другой раз Иван Васильевич, упившись, начал (и подумать срамно!) с своими любимцами в личинах плясать. Тут был боярин князь Михайло Репнин. Он заплакал с горести. Царь давай и на него личину надевать. «Нет! — сказал Репнин, не бывает тому, чтобы я посрамил сан свой боярский!» — и растоптал личину ногами. Дней пять спустя убит он по царскому указу во храме божием!» (2, III, 196)

Однако можно отметить и связь с историей самого Морозова. Боярин, с которого снята опала, появляется на пиру. Однако Грозный, отнюдь не желавший на деле прощать боярина, решает его унижить и сажать ниже Годунова. Морозов, как и Репнин, не хочет уронить своего чина, обличает опричнину. Сравним:

«Государь, — ответил он, — как Морозов во всю жизнь чинил, так и до смерти чинить будет. Стар я, государь, перенимать новые обычаи. Наложил опять опалу на меня, прогони от очей твоих — а ниже Годунова не сяду!» (2, III, 393)

И далее, когда Грозный за отказ заставляет его надеть шутовской кафтан:

«Что же сказать тебе, государь? Как еще распотешить тебя? А разве вот что скажу: пока ты с своею опричниной в машкерах плясешь, к заутрени звонишь да кровью упиваешься, наступит на тебя с заката Жигимонт, напрут с полуночи немцы да чудь, а с полудня и с восхода подыметя хан» (2, III, 396).

Тут встал и поднял кубок Репнин, правдивый князь:

*«Опричнина да сгинет! — он рек, перекрестясь. —
Да здравствует во веки наш православный царь!
Да правит человеки, как правил ими встарь!
Да презрит, как измену, бесстыдной лести глас!
Личины ж не надену я в мой последний час!» (2, I, 233)*

Конечно же, разница между образами Морозова и Репнина есть. В балладе делается акцент на протесте против опричнины. В романе — Морозов обличает и опричнину, и самого Иоанна. Но в балладе Толстой сознательно изменяет слова, сказанные Репниным царю. У Курбского: *«Не буди ми ее безумие и бесчиние сотворити, в советническом чине суицу мужу!»* (5, 120–121) Таким образом, автор отмечает личные мотивы Репнина, заменяя их мотивами обобщенными, более подходящими для баллады. Толстой постоянно применяет для характеристики Репнина эпитет *«правдивый»*. И действительно: роль князя в балладе сходна еще и с ролью Серебряного — он как бы являет собой совесть Иоанна, его славное прошлое. Он порицает Грозного за настоящее, но, почти без надежды, требует, чтобы тот стал прежним, — и прославляет его. Серебряный в романе тоже порицал опричнину, тоже возражал Грозному, но остался жив. Однако никакого противоречия здесь нет: реакция Иоанна в балладах более непосредственна, нежели в романе и трагедии, между помышлением об убийстве (наказании) и самим убийством нет грани — и это не только соответствует жанру баллады, но и лишней раз подчеркивает яркие черты характера Грозного.

Любопытна в балладе «Василий Шибанов» роль еще одного «оппозиционера» Грозного — князя Курбского. Теоретически, оппозиция «сыроядцу» Иоанну сама по себе должна быть положительна. Однако, относительно Курбского, это не так. Обратим внимание на характеристики, даваемые Толстым беглому князю: он *«исполнен... желчи и злобы»*, пишет *«Послание, полное яду»* (2, I, 228).

В эпизоде из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, которым воспользовался Толстой, читаем: *«Первым делом Курбского было изъясниться с Иоанном: открыть душу свою, исполненную горести и негодования. В порыве сильных чувств он написал письмо к царю: усердный слуга, единственный товарищ его, взялся доставить оное и сдержал слово»* (6, 574). Карамзин не только не осуждает Курбского, который *«не боясь смерти в битвах»* (6, 574), был устрешен казнью, но и оправдывает его поступки. Однако у Толстого князь явно персонаж не положительный. И это вызвано несколькими причинами. Во-первых, той, о которой мы уже говорили, — изменой Руси, пусть даже ради спасения своей жизни. В этом авторское мнение удивительно совпадает с мнением Грозного, изложенным им в первом письме к Курбскому: *«Почто, несчастный, губишь свою душу изменою, спасая брренное тело бегством?»* (6, 575) Во-вторых, Курбский — предатель не только по отношению к царю и Руси, он предал верного слугу. Карамзин восхищается добродетелью Шибанова, тем, что он в *«ужасных муках хвалил своего отца-господина; радовался мыслию, что за него умирает»* (6, 575). Но Толстой вкладывает в уста Шибанова мольбу к богу о прощении Курбского за измену и обвинение (и прощение) за предательство по отношению к нему самому. Князь предает Шибанова, предает Русь, и это, по сути, уравнивает его с царем, не видящим в людях — людей.

Мы уже говорили, что в балладах невозможно появление Годунова, образа слишком тонкого, чтобы его можно было поднять (или опустить) до абстракции. Однако, в какой-то мере, его роль (приближенную к финалу трагедии «Смерть Иоанна Грозного») выполняет Курбский. Князь символизирует предательство, немислимое для положительных героев, составляющих оппозицию Грозному в балладах, романе и трагедии. В «Василии Шибанове» создается треугольник: деспотизм (Иоанн)-верность (Шибанов)-предательство. И возникает неоднозначная картина: кровавое царствование Грозного, которое все же нельзя, если хочешь сохранить чистоту души, предавать. Законы Киевской Руси, столь близкие Толстому в противоположность Руси Московской, действуют и в балладах.

Баллада, жанр сам по себе синтетический, в творчестве А.К. Толстого приобретает особое значение. Будучи включенными в общее эпическое целое, баллады становятся некой схемой,

графическим изображением ситуаций и персонажей романа и трагедии. Конкретные образы и положения преобразуются в балладах в абстракции, характеризующие эпоху Иоанна и придающие произведениям Толстого некое символическое, общее звучание.

1. Хализев В.Е. Теория литературы. – М., 1999
2. Толстой А.К. Князь Серебряный // Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. – М., 1964.
3. Ямпольский И. Примечания // Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. – М., 1964. – Т. 1.
4. Муравьев Вл. А.К. Толстой и его роман «Князь Серебряный // Толстой А.К. Князь Серебряный. – Ярославль, 1986.
5. Сказания князя Курбского. – Ч. 1. – СПб., 1833.
6. Карамзин Н.М. Предания веков. Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского». – М., 1988.